

16. *Staudinger H., Frey K., Starck W.* Über Polyvinylacetat und Polyvinylalkohol.—Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft, 1927, B. 60, S. 1782—1786.
17. *Staudinger H., Urech E.* Über die Polyacrylsäure-ester.—Helvetica chimica acta, 1929, B. 12, S. 1107—1111.
18. *Staudinger H.* Die Hochmolekularen Organischen Verbindungen. Berlin: Springer, 1932.
19. *Staudinger H., Bondy H. F.* Über den irreversiblen Vorgang des Verkrackens des Kautschuks.—Justus Liebigs Annalen der Chemie, 1929, B. 468, S. 4—7.
20. *Ott E.* Über die Molekulargrösse von Kautschuk und Guttapercha.—Naturwissenschaften, 1926, B. 14, S. 320—323.
21. *Priesner C., Staudinger H., Mark H., Meyer K. H.* Thesen zur Grösse und Struktur der Markomoleküle, Ursachen und Hintergründe eines akademischen Disputes. Weinheim. Verl. Chemie, 1980.
22. *Meyer K. H.* Bemerkungen zu den Arbeiten von H. Staudinger.—Zeitschrift für angewandte Chemie, 1929, B. 42, S. 76, 77.
23. *Fikentscher H., Mark H. F.* Ueber die Viskosität lyophiler Kolloide.—Kolloide Zeitschrift, 1929, B. 49, S. 135—148.
24. *Staudinger H.* Arbeitserinnerungen. Heidelberg: Hüthig Verl., 1961.
25. *Staudinger H.* From Organic Chemistry to Macromolecules. N. Y.: Plenum Press, 1970.
26. *Kirchhoff E.* Ueber die Einwirkung von konzentrierter Schwefelsäure auf naturliche und künstliche Kautschukarten.—Kolloide Zeitschrift, 1922, B. 30, S. 176—181.
27. *Duclaux J.* La constitution du caoutchouc.—Revue générale colloides, 1923, v. 1, p. 33—39.
28. *Haller W.* Zur Theorie der Kolloidose.—Kolloide Zeitschrift, 1929, B. 49, S. 74—83.
29. *Fikentscher H., Mark H. F.* Ueber ein Spiralmodell des Kautschuks.—Kautschuk Zeitschrift, 1930, B. 6, S. 2—6.
30. *Staudinger H., Signer R.* Über den Kristallbau hochmolekularer Verbindungen.—Zeitschrift für Kristallographie, 1929, B. 30, S. 193—196.
31. *Staudinger H., Schweitzer O.* Über die Poly-äthylenoxide.—Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft, 1929, B. 62, S. 2395—2406.
32. *Guth E., Mark H. F.* Über Polymeren.—Monatshefte für Chemie, 1934, B. 65, S. 93—95.
33. *Притыкин Л. М., Заиченко Г. А., Фокин И. Я.* Современные представления о природе полимеров и методологическая роль структурных факторов.—Вопросы химии и химической технологии, 1980, вып. 60, с. 30—36.
34. *Staudinger H.* Über niedermolekulare und makromolekulare Chemie.—Journal für praktische Chemie, 1940, B. 155, S. 1—12.
35. *Staudinger H.* Über Polymerisation.—Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft, 1920, B. 53, S. 1073—1075.

**ПЕРЕПИСКА А. Н. КРЫЛОВА С НЕПРЕМЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ
АН СССР АКАДЕМИКОМ С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГОМ**

С. Ф. Ольденбург — А. Н. Крылову

23 июня 1926 г.

Дорогой Алексей Николаевич,

По полномочию большого числа Ваших и многих сочленов по Конференции Академии наук обращаюсь к Вам со следующей товарищескою просьбою. Со смертью Владимира Андреевича¹⁾ настала необходимость думать о Вице-президенте, и выбор наш, как мне кажется, естественно, остановился на Вас.

Мы знаем хорошо Вашу работу за границей, но глубокое убеждение в том исключительноном положении, какое Академия заняла с ее многочисленными учеными учреждениями в Союзе, побуждает нас считать, что ответственная работа в таком ученом учреждении является не только почетной, но и действительно ответственной для русского ученого, как Вы. Учитывая важность для Вас располагать каждый год известным временем для работы за границей, я переговорил с членами правительства (А. С. Енукидзе, председателем Комиссии по содействию Академии) и получил от них обещание содействия тому, чтобы Вам каждый год была предоставляема четырехмесячная командировка. Мы Вам обеспечим квартиру в академическом доме и устроим добавочное вознаграждение.

Кроме того, мы можем отсрочить необходимость Вашего приезда примерно до Нового года или до декабря этого года, чтобы дать Вам собраться. Нам важно Ваше согласие, чтобы мы могли выставить Вашу кандидатуру на выборах, которые, мы имеем все основания думать, будут вполне положительного результата.

К общим просьбам Ваших товарищей по Академии считаю себя вправе присоединить и свою: ведь 1917, 18 и половину 19-го года я один, с 19-го по сегодняшний день вместе с Владимиром Андреевичем я нес все бремя ответственности за Академию и ее работу, это дает мне нравственное право сказать Вам, дорогой Алексей Николаевич, — наше дело большое. Несли мы его с покойным в самые тяжелые и трудные годы, часто, повторяю, нес я его один. Трудное время не

прошло. Не отказывайте в Вашей помощи. Академия не может не быть Вам дорога. Без Вас нам не обойтись. С глубокой уверенностью мы все, и особенно я, ждем Вашего согласия.

Физико-математический институт тоже, конечно, должен перейти в Ваше ведение.

Жду Вашего ответа.

Глубоко и искренно Вас уважающий и преданный

Сергей Ольденбург

Остаемся здесь до 1 или 2 июля. Если напишете не сейчас, то, м. б., пошлете на имя Акатова, который будет знать наши адреса, потом на 5 недель лечиться, затем в Париж, где жажду Вас встретить.

Сегодня у меня первое свидание с немецким ученым — председателем *Nottgemeinschaft Exs. Schmidt-Ott* и двумя непременными секретарями Академии *Planck* и *Lüders*²⁾.

Архив АН СССР, ф. 759, оп. 2, д. 97, лл. 1—4.

А. Н. Крылов — С. Ф. Ольденбургу

Hôtel Corneille, Place de l'Odéon.
Paris 6-me

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Спасибо Вам за Ваше письмо и память, но должен Вам с места сказать, что с содержанием Вашего письма я в корне не согласен. Буду вполне откровенен и, чтобы быть ясным, буду по морской привычке всякую вещь называть своим именем, не прибегая к обинякам.

Так как Вы, конечно, копии своего письма (без года, места и числа) себе не оставили, то для удобства ссылок прилагаю таковую, пометив пункты.

По п. 1-му. Выбор Ваш и сочленов по Конференции меня как возможного кандидата на должность вице-президента делает мне большую честь, но свидетельствует о том, что ни Вы, ни наши сочлены по Конференции не знают того непреодолимого отвращения, которое я питаю ко всякого рода административной деятельности.

Не буду говорить о моей службе в Морском Ведомстве и о неудачных попытках приспособить меня не только к технике, но и к администрации; но напомним Вам попытку Академии поручить мне директорство над Главной Физической Обсерваторией и тот анекдотический скандал, который от сего произошел³⁾.

По п. 2-му. Вы пишете: мы знаем хорошо Вашу работу за границей и т. д. Но это есть *façon de parler*⁴⁾, на самом деле моей работы за границей ни Вы, ни мои сочлены не знаете и, конечно, не цените ее ни в грош, а считаете, что я занимаюсь выгодным ремеслом вместо науки, т. е. делаю дело, академика недостойное. В значительной мере такое мнение происходит от разности взглядов на то, что составляет науку и что — технику или ремесло. Мне, напр., кажется, что у многих «чистых» ученых на этот предмет сохранились еще те схоластические воззрения, которые проявлялись в учении о «высоком», «среднем» и «подлом» стиле.

Если я произвожу расчет Пулковского объектива, стоящего 13 000 ф. ст., то это, по-Вашему, «высокая» наука, а если я, произведя расчеты двух нефтеналивных судов, стоящих каждое по 180 000 ф. ст., показал, как простым изменением предложенного французами проекта повысить грузоподъемность судов на 600 тонн для каждого без повышения стоимости их постройки, т. е. принес выгоды на 20 000 ф. ст. (пароход расценивается по грузоподъемности для этого класса судов до 16 ф. ст. за тонну), то это «подлая» техника.

Когда вопреки мнению германских экспертов, давших заключение, что по Гетальфу⁵⁾ может проходить пароход, поднимающий только 3 или 4 паровоза без тендеров, а я нашел, купил и приспособил прх. «Нибинг», так что он перевозил 11 паровозов и 11 тендеров сразу, причем до допускаемого правилами прохода по Готскому каналу предела у него оставалось всего 2 дюйма запаса, то Вы в Берлине считали, что это техника, как бы ломовой извоз, академика недостойный. Первые рейсы я должен был сам делать на этом пароходе, ибо «Дерутра»⁶⁾ слагала с себя «всякую за них ответственность». На перевозке 450 паровозов я этим сберег до 200 000 ф. ст. для нашей казны, и только покойный Влад. Андреевич в своем отзыве признал и показал, что это тоже «наука» и что «приложение научных познаний» к практике входит в обязанности академика. Короче говоря, изучать паразита в заднем проходе таракана — это наука, а изучать имевшие место неправильности конструкции дейдвудных труб корабля — это техника. Но от паразита только чешется у таракана, а я не пожелал бы ни Вам, ни сочленам быть даже пассажирами на пароходе, у которого в океане от недостатков в дейдвудной трубе произойдет поломка гребного вала и машина разлетится вдребезги (City of Paris)⁷⁾.

3. Мое мнение о «том исключительном положении, какое Академия заняла с ее многочисленными учреждениями в Союзе», вероятно, глубоко разнится от Вашего и от мнения многих наших сочленов.

Это мое мнение делает меня особенно непригодным для должности вице-президента.

Мне представляется, что значительная часть «ученых учреждений» Академии не есть результат ее естественного роста, а что они суть болезненные чужеродные наросты на ее теле, и, чем скорее Академия от них избавится, тем лучше. Мое мнение, что благодаря своим «многочисленным ученым учреждениям» Академия напрасно пыжится и может лопнуть, не выросши с вола, как лягушка в басне.

Чтобы кому-нибудь не повредить, я этого своего мнения не высказывал и мог это делать, но скажите, смогу ли я отстаивать как вице-президент сметы таких учреждений, самое существование которых при Академии я считаю вредным для нее?

Таких же множество: значит, по первой же смете я должен был бы пройти Мамаем и Вы сами стали бы меня уговаривать уйти подобру-поздорову от вице-президентства к кораблям и технике и не уподобляться битюгу в посудной лавке.

Так стоит ли для этого огород городить?

По п. 4-му. До сих пор мы были в области товарищеского обсуждения моей кандидатуры; высказывать ее и обсуждать в своей среде, хотя бы на должности митрополита С. Петербургского и Ладожского, никому не возбраняется, и на это я никакой претензии высказывать не могу, но Вы этим не ограничились, и, как Вы сами пишете, «я переговорил с членами правительства (А. С. Енукидзе)». Здесь, как мне кажется (не сомневаюсь, что с самыми добрыми намерениями), Вы вышли из области «товарищеского обсуждения», меня о том заранее не предупредив и не запросив моего согласия, и тем свершили надо мной как бы род нравственного насилия.

Если бы Вы в переговорах с членами Правительства ограничились обсуждением вопроса об обеспечении должности вице-президента Академии наук условиями и привилегиями, с ней связанными, то я ничего бы не возражал. Но, судя по Вашему письму, Вы обсуждали персональную мою кандидатуру, и здесь я не мог бы претендовать, если бы Вы, проявляя щепетильную корректность, спросили Главу Правительства, не возражает ли он против этой кандидатуры — но и только.

Выговаривая же персональные привилегии, Вы поставили меня в ложное положение.

В самом деле, подумали ли Вы о том, что, желая меня заманить персональными привилегиями, Вы даете повод истолковывать это, напр., так:

а) «Академия-то хочет создать прецедент для своего вице-президента и пробить брешь в ограде бюджетной экономии». Вы лучше меня знаете, что древние для это-

го* пользовались тараном с бронзовой башней башкой, которой били в стену.

Смею думать, что у меня башка не башня и лоб не медный и мною, как тараном в стену, бить не приходится.

б) Вот другое толкование: Крылов-то всегда говорит и говорил, что для административных должностей не годен, а как помахали перед носом открытым бумажником, так на все готов. (На морском языке эта фраза говорится иначе, из уважения к Вам высказываюсь по-береговому.)

5. К числу вредных на теле Академии наростов я отношу и возложенное на Физ.-Мат. Инст. заведование сейсмической сетью. Когда Борис Борисович⁸⁾ создавал научную сейсмометрию, оно имело смысл, но после того как сеть создана, то валовой текущей работе в Академии не место.

Здесь опять конфликт между моими воззрениями и Вашими на науку и технику: по-Вашему, обработка Пулковской сейсмограммы землетрясения, происшедшего в пустынях Патагонии,— наука, а обработка аналогичной записи вибрации корабля, полученной притом подобным же прибором,— ремесло, техника.

По-моему, предвычисление вибраций данного корабля, разработка конструкции его так, чтобы низвести их до наименьшей величины и осуществление всего этого на деле есть гораздо более интересное и полезное приложение науки, нежели установление элементов бывшего 37-го Мартобря землетрясения в Патагонии.

Думаю, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что сказанного довольно, чтобы убедить Вас и наших коллег, что для должности вице-президента я абсолютно непригоден; что делать научную работу из-под палки нельзя — творчество более всего требует свободы; что резкой грани между наукой и техникой поставить нельзя и что если я 39 лет занимаюсь наукой о корабле (*scientia navalis* Эйлера), то не имеет смысла отрывать меня от вверенных мне построек судов, в проекты которых я внес много своего, и заставить меня отстаивать и составлять сметы учреждений, мною признаваемых за ненужные. Кроме вреда для дела и Академии, это ничего иного принести не может.

Простите мою грубую откровенность и верьте моему глубочайшему к Вам уважению и искренней преданности.

А. Ф. Иоффе⁹⁾ мне также пишет о бывших обсуждениях моей кандидатуры; чтобы не повторяться, я просто посылаю ему копию этого письма.

Архив АН СССР, ф. 759, оп. 2, д. 97, лл. 5—10.

С. Ф. Ольденбург — А. Н. Крылову

Берлин 2.VII.1926

Levetzow Str. 17^{II} bei Fr. Argutinsky

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Получил Ваше письмо от 23.VI и огорчен им вдвойне. Прежде всего отказом,

т. к. думал, что Вы найдете возможным помочь нам в очень трудном положении, в котором мы находимся, а затем и объяснениями отказа.

Думаю, что только Вашим долгим отсутствием из нашей среды объясняется Ваше представление о нас как о людях, не могущих понять и оценить Вашей работы за границу. Особенно тяжело ощутил это я, который много раз на вопросы о характере Вашей работы говорил с горячей убежденностью, что Вы являетесь собою пример редчайшего соединения в одном человеке высоких качеств и теоретика и практика, умеющего найти пути от отвлеченнейшего вычисления к наипрактичнейшему применению и наоборот. Я указывал, как Ваши чисто научные работы приводили Вас к данным, которые позволили сберечь миллионы народных денег для Вашего отечества. Поэтому Ваши слова о «выгодном решении» я считаю лишь выражением Вашего раздражения, не больше; к нашим представлениям о Вас они никогда никакого отношения не имели и не имеют. Думаю, что вернее здесь говорить не от своего только имени, а и от имени своих товарищей. Мы от Вас этих слов не заслужили.

Повторяю, уверен, что если бы Вы нас не забыли и знали нас такими, какие мы есть, то Вы не сделали бы второй крупной ошибки: мы не столь невежественны и устарели в области научной, как вы это ошибочно полагаете. Если бы Вы следили за нашей работой, то Вы бы знали, что той техникой, которую мы, по Вашему мнению, согласно старинному выражению, считаем «подлого штиля», занимаемся мы сами, м. б., не с таким большим успехом, как Вы но все же занимаемся, даже в науках гуманитарных уже теперь теория от самой злободневной практики неотделима. И тут мне Ваш биологический пример не представляется убедительным. Ведь этот самый заднепроходный тараканий паразит может получить отношение и к человеку. Ведь Вы, конечно, знаете о борьбе с разными вредителями при помощи их паразитов, а это жизненная борьба с бичами человечества, распространителями зараз, от которых гибнет во много раз больше людей, чем при паровых катастрофах. Работы наших академических биологов, которых Вы тоже, видимо, считаете представителями отсталой, внежизненной науки, чрезвычайно близки ко всем этим и другим жизненным вопросам.

Вы удивили меня заявлением о «раздутости», в басенном даже масштабе, академических учреждений, тем более что Вы ничего конкретно не указали. Единственная Ваша ссылка на сейсмическую сеть происходит лишь из Вашего незнакомства с положением дела у нас. Влад. Андр.^{*)}, человек глубоко жизненный, не отделил станций от Академии, п. ч. хорошо знал, что подобное отделение приведет скоро к их закрытию. Чересчур смело, мб., б., мне

*) В. А. Стеклов.

возражать Вам насчет сейсмограмм землетрясений в Патагонии, но думаю, что и здесь Вы говорите о них лишь в противовес несуществующим, но крайней мере в наших умах, возражениям против значения предвычислений вибрации корабля. При правильной постановке и то и другое имеет самое настоящее значение, причем одного больше влечет к кораблю, другого к Патагонии. Но можно, конечно, так строить эту работу, что она вообще будет бесполезна. Это, несомненно, часто и бывает. Только где у Вас данные, что Влад. Андр. так вел эту работу? А ведь Вы говорите о работе, которую руководил именно он.

Если бы Вы просто ответили нам: «с вами в вашей обстановке работать не могу и не хочу, мне моя работа ближе, и мне кажется, что я там, где работаю, полезнее», мы бы, конечно, поняли Вас, пожалели бы о том, что Вы не можете и не хотите с нами работать, и стали бы искать другого преемника Влад. Андр. в нашей среде, но Вы отказ Ваш обставили добавочными объяснениями, для нас неприемлемыми. Вашу работу научную и практическую мы ценили, повторяю не только на словах, и мы, вопреки Вашему мнению, думаем, что можем ее понять и понимаем ее, хотя специальности наши иные. С Вашим взглядом на работу Академии мы согласиться не можем уже хотя бы потому, что речь идет о том, чего Вы не видели ряд лет и что Вы знаете только понаслышке, для нас же, как и для Влад. Андр., Академия — тот корабль, на котором мы живем, плывем и работаем в меру сил и понимания.

Есть еще место в Вашем письме, основное, как мне кажется, просто на не совсем внимательном чтении написанного мною, и о котором умолчать не могу. Я перечел свое письмо и только убедился в справедливости своего предположения. С А. С. Енукидзе я говорил исключительно о возможности ежегодных отлучек за границу, п. ч. без согласия высшего правительства это было бы невозможно. Вопросов о квартире и содержании я, разумеется, и не касался с ними, п. ч. это наше внутреннее дело, решаемое, с одной стороны, президиумом, с другой — внесением в смету определенной суммы, не персонально.

Считаю, что Вы не имели никакого основания, зная меня, предполагать, что я в состоянии «махать бумажником» перед лицом, к которому я обратился со словами «дорогой» и «глубокоуважаемый». К людям, перед которыми я считал бы нужным «махать бумажником», я так бы, разумеется, не обращался. Повторяю, считаю, что лишь раздражение объясняет подобное Ваше отношение к человеку, который не подавал Вам никогда повода сомневаться ни в его прямоте, ни в его глубоком уважении к Вам.

Извиняюсь за отсутствие даты и места написания первого письма (копию я, однако, снял с датой и местом). Я волновался, когда писал, но это, конечно, не извинение для непременно секретаря,

который должен уметь писать письма во всех отношениях деловые, во всякой обстановке.

Надеюсь, что удастся свидеться в Париже или Лондоне и там обменяться взглядами на научную работу к обоюдному удовлетворению.

Глубоко Вас уважающий и почитающий

Сергей Ольденбург

Архив АН СССР, ф. 759, оп. 2, д. 97, лл. 22—25.

А. Н. Крылов — С. Ф. Ольденбургу

Hôtel Corneille, 5 Rue Corneille, Place d'Odéon. Paris 6me

5-го июля 1926 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Спасибо Вам за письмо от 2.VII, которое я получил сегодня утром.

Вы правы, что в моем письме 23.VI есть значительная доля раздражения, я припоминаю, я его написал, вернувшись из Правления завода, где я целое утро ругался с французами из-за укрепления кормы парашютов, зол был, как бешеный бульдог, и невольно яд сей злобы внес и в письмо к Вам, но по Вашему ответу вижу, что Вы меня уже вперед простили, за что Вам еще раз спасибо.

Сегодня мне предстоит ругать французов еще хуже, говоря по-старинному, просто «лаять матерно», поэтому решил написать Вам тотчас же утром, еще не выходя из дому.

Мой принципиальный взгляд на то, какие учреждения должны входить в состав Академии, таков: те и только те учреждения, в коих совершается исключительно творческая работа. Все же учреждения, где идет валовая текущая работа, в составе Академии не место. Из этого не следует, что этих учреждений не должно быть; нет, они должны быть, должны развиваться, но как учреждения самостоятельные.

Возьмем примеры: Пулковская обсерватория, в ней производится как учреждение громадная бескорыстная и самоотверженной работа по производству наблюдений и их обработке — работа текущая, т. е. сказать, валовая. Учреждению придана полная самостоятельность, я считаю это правильным. Это не препятствует тому, что в составе Обсерватории есть и всегда были знаменитые академики, но Академия призывала их в свой состав за их личную творческую работу.

Ньютон был призван заведовать монетным двором, Бор. Бор. Голицын экспедицией заготовления Госуд. Бумаг. Оба в самое короткое время поставили вверенные им учреждения на недостижимую высоту. Я считаю, что их работа была творческая — в этом смысле академическая, научная, но ни «mint» не был причислен

к Royal Society¹⁰⁾, ни Экспедиция З. Г. Б. (Заготовления Государственных Бумаг.— *Ред.*) к Академии.

Главная Физическая Об-рия руководит громадной валовой текущей работой — как учреждение она не должна входить в состав Академии, а должна быть вполне самостоятельным учреждением вне Академии.

Совершенно так же сейсмическая Комиссия с валовым, текущим заведованием сетью станций не должна быть в составе Академии. Из этого отнюдь не следует, чтобы Академик не стоял во главе этого учреждения или не проявлял бы в этой области такой творческой деятельности, как Бор. Борисович или Влад. Андреевич.

Личная работа Академика не должна быть смешиваема с задачами и работой учреждения, ему вверенного.

Иногда может казаться, что Академик производит как бы валовую текущую работу, но настолько ли известны процессы творчества, чтобы с уверенностью сказать, что они за этой валовой личной работой где-то не сокрыты?

Ньютон производил численные вычисления с таким числом знаков, о котором он сам говорит: «мне стыдно» (*me pudet*).

Гаусс произвел лично в течение 8 месяцев вычисление возмущений Паллады, составив заранее смету, что ему придется, написать около 800 000 цифр и затратить, кажется, 600 часов времени.

Ал. Мих. Ляпунов для получения одного результата в своем исследовании, занимающего, кажется, две строки, произвел вычисление, продолжавшееся около трех месяцев, а Вы знаете, что он работал по 12 и более часов в сутки. Ан. Андр. Марков¹¹⁾ составил таблицы интеграла

$\int_0^a e^{-t^2} dt$ — работа громадная и, казалось бы, подавляющая однообразием.

Таких примеров бесчисленное множество, но это была личная работа.

Мне представляется, что когда такие умы производят хотя бы однообразную, как бы механическую работу, то где-то в глубине у них идет параллельно сам собою другой процесс — творчества, который затем и проявляется в создании чего-нибудь нового и совершенно законченного.

Совсем иное дело, когда производится, т. сказать, фабричная работа, хотя бы это были те же самые вычисления, которые делали Гаусс или Марков, но исполняемые уже чисто механически десятками или сотней заурядных работников единственно для заработка. В этой валовой работе тот неведомый внутренний процесс, который шел у Гаусса или Ляпунова, несомненно, отсутствует.

Эта разница весьма существенна, и едва ли Вы будете ее отрицать.

Как пример правильной постановки дела приведу еще один: В 1790 году было постановлено Конвентом перечислить таблицы логарифмов для деления круга на 400°, а не на 360°.

Была образована Комиссия из Академи-

ков: Лагранжа, Лапласа, Борда, Прони, Лежандра, они составили формулы, схемы, установили систему вычисления и пр., но само вычисление, т. е. валовая работа, была произведена под начальством Прони в Bureau du Cadastre¹²⁾, т. е. в самостоятельном учреждении.

Вы меня спросите: почему же подобного рода учреждениям научного характера не место в составе Академии? Мое рассуждение таково:

10) Чтобы валовая работа, т. е. работа множества сотрудников шла правильно, надо, чтобы во главе учреждения стояло лицо, не только в совершенстве знающее дело, но и умеющее руководить людьми, распределять между ними работу, заставлять их ее исполнять, т. е. это лицо должно совмещать надлежащие познания и административные способности, что не всегда бывает.

20) Когда учреждение находится в составе Академии, то является естественное стремление поставить во главе его Академика, число каких весьма малое, значит, выбор ограниченный, зачастую нужного лица между ними не оказывается, тогда должность поневоле замещается лицом, мало подходящим, но Академиком.

Пример: когда требовалось, чтобы Директором Гл. Физ. Об-рии был Академик, то посадили меня — совершенно неподходящего. Когда она стала самостоятельным учреждением, то нашелся А. А. Фридман¹³⁾, и если бы не его кончина, то через несколько лет наша Гл. Физ. Об-рия была бы первой в мире во всех отношениях.

Несомненно, Фридман был бы со временем Академиком, но не потому что надо было заместить директорский пост.

30) Многочисленность учреждений при малом личном составе Академиков делает то, что руководство академика становится, т. сказать, номинальным, а фактически оно ведется сотрудником, и получается, что из-под флага Академии идут работы, может быть, и многочисленные, но в научном отношении слабые — вроде бесчисленных немецких докторских диссертаций.

Это может дать богатую пищу для нареканий, ибо легко найдутся уязвимые пункты, позиция гораздо крепче, когда она хоть тесна, да зато неуязвима.

Я не говорю, что мой взгляд единственно правильный, но я думаю, что я мог бы провести его без логических противоречий, а, может быть, по совокупности частных примеров установить и общий критерий, какому учреждению место в составе Академии, какому нет.

О том, что грани между наукою и техническими ее приложениями провести или совсем нельзя, или весьма трудно, мы, кажется, с Вами согласны, хотя и выразились по-разному, поэтому об этом дальше писать не буду.

Вот истинный смысл того, что я Вам хотел сказать в моем предыдущем письме; простите, что в нем я это высказал в той форме, про которую блаженные памяти

городовые говорили: «Господин, не выражайтесь».

В субботу я получил срочную телеграмму Ал. Петровича¹⁴⁾ из Турина, что его франц. виза консульству не сообщена и паспорт не визируют.

Удалось все устроить в один день. Около 15-го сюда собирается Абр. Фед. Иоффе, для которого я хлопочу визу, а заодно и для Як. Вик. Успенского¹⁵⁾.

Сообщите, когда Вы думаете сюда приехать, и лучше заблаговременно, т. к. мне придется бывать на Заводе в Саён¹⁶⁾. Не зная, напр. заранее о приезде Ал. Петровича, я его в прошлый приезд не видел, т. к. весь день пробыл на Заводе.

Всего хорошего, будут ждать Вашего приезда и рад буду о многом с Вами побеседовать.

С глубочайшим уважением
искренно Вам преданный

10-го авг.

А. Крылов

Письмо это 5-го июля отправлено не авиа, а было затем вручено С. Ф. при свидании.

А. Кр.

Архив АН СССР, ф. 759, оп. 2, д. 97, лл. 31—38.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Владимир Андреевич Стеклов (1864—1926) — вице-президент АН СССР с 1919 г., известен своими работами по математической физике, в которых он развивал идеи и методы своего учителя акад. А. М. Ляпунова. А. Н. Крылов был редактором сборника «Памяти В. А. Стеклова» (Л., 1928) и посвятил ему некролог, опубликованный в английском журнале «Nature» (v. 118, № 2959, p. 91, 1926). См. также *Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 396..

²⁾ Речь идет о немецком ученом Ф. Шмидт-Отто (1860—1956) — председателе Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft (Общество взаимопомощи немецкой науки). См. об этой и родственных организациях, поддерживавших связь с советскими научными учреждениями и учеными, в кн.: *Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры (1917—1932)*. М., 1975, с. 100.

Макс Планк (1858—1947) — немецкий физик, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников квантовой физики. В течение ряда лет был неперменным секретарем Прусской академии наук. В 1925 г. приезжал в Ленинград на торжества, посвященные 200-летию юбилею Российской Академии наук.

Генрих Людерс (1869—1943) — профессор индийской филологии и сравнительного индогерманского языкознания Берлинского университета (с 1909 г.), неперменный секретарь Прусской академии.

³⁾ А. Н. Крылов после смерти в мае 1916 г. акад. Б. Б. Голицына (см. прим.

№ 8) был назначен на пост директора Главной физической обсерватории (ныне Главная геофизическая обсерватория им. А. Е. Воейкова), который занимал до января 1917 г. Описание этого краткого периода академической деятельности А. Н. Крылова дано им самим (см. *Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 245—253 и 738—743).

⁴⁾ Манера выражаться (фр.).

⁵⁾ Гета-эльфский канал в Швеции, по которому на пароходе «Нибинг» переправлялись закупленные Советским Союзом у Швеции паровозы. См. *Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 269—274.

⁶⁾ «Дерутра» — русско-немецкое общество, через которое осуществлялось фрахтование пароходов для морских перевозок, закупленных в Германии паровозов и тендеров.

⁷⁾ Вероятно, речь идет о пароходе «Город Париж»; в разделе «Поучительные случаи аварии и гибели судов» (*Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 625—681) случай гибели парохода под таким названием не упоминается.

⁸⁾ Борис Борисович Голицын (1862—1916) — физик и геофизик, основоположник отечественной сейсмологии, академик. С 1913 г. — директор Главной физической обсерватории. См. о нем статьи А. Н. Крылова в кн.: *Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 347—361.

⁹⁾ Абрам Федорович Иоффе (1880—1960) — физик, академик. В архиве А. Н. Крылова имеется обширная переписка с ним. А. Н. Крылов представлял А. Ф. Иоффе к избранию в члены-корреспонденты Академии наук (1918 г.), написал статью в связи с его 60-летием (см. *Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 442—449). Со своей стороны, А. Ф. Иоффе — автор ряда статей о А. Н. Крылове (*Природа*, 1943, № 6, с. 81; *Известия*, 1943, 14 июля, № 164; *Вестник АН СССР*, 1945, № 2, с. 86; 1955, № 2, с. 141; *Труды Института истории естествознания и техники*, 1956, т. 15, с. 6; см. также сборник: *Памяти Алексея Николаевича Крылова*. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 189).

¹⁰⁾ Монетный двор (англ.), Королевское общество (англ.).

¹¹⁾ Андрей Андреевич Марков (1856—1922) — математик, академик. См. о нем в кн.: *Крылов А. Н. Воспоминания и очерки*. М., 1956, с. 380—384 (два письма на имя С. Ф. Ольденбурга).

¹²⁾ Бюро кадастров (фр.). В данном случае, видимо, имеется в виду водный кадастр, т. е. свод основных сведений о реках (с точки зрения их судоходства).

¹³⁾ Александр Александрович Фридман (1886—1925) — физик, механик, математик. С 1920 г. и до конца жизни — директор Главной физической обсерватории. Его основные труды изданы в серии «Классики науки» (*Фридман А. А. Избранные труды*. М., 1966; в этой книге помещены также и биографические материалы о Фридмане).

¹⁴⁾ Александр Петрович Карпинский (1846—1936) — геолог, академик, первый

выборный президент академии (1917—1936). См. о нем: *Романовский С. И.* Александр Петрович Карпинский. Л.; Наука, 1981.

¹⁵⁾ Яков Викторович Успенский (1883—19??) — математик, ученик А. А. Маркова. В конце 20-х годов эмигрировал в США.

¹⁶⁾ Кан — город во Франции, где был расположен завод, на котором строились танкеры для Советского Союза, и куда А. Н. Крылов очень часто ездил по делам этого заказа (см. *Крылов А. Н.* Воспоминания и очерки. М., 1956).

Публикация и примечания В. Я. Френкеля

О ПЕРЕПИСКЕ А. Н. КРЫЛОВА И С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

Известное стихотворение Б. А. Пастернака, относящееся к 1956 г., начинается строфой:

Быть знаменитым некрасиво,
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Однако, призыв, содержащийся в двух последних строчках этой строфы, да и всю ее в целом следует все же рассматривать как поэтическую метафору. Стоит ли говорить о том, как обогащают представления об ушедших эпохах и людях архивные документы, как помогают глубже проникнуть в творческую лабораторию поэта, писателя, ученого их рукописи, письма и т. п. Пастернак же, очевидно, призывал к отказу от суетности (пушкинское «служенье музе не терпит суеты»). Он полагал, не без некоторых оснований, что оглядка на будущих исследователей и биографов, в письмах, при ведении дневника, на массового читателя, вносит искажения в текст. Личная переписка тем самым уже изначально превращается в собрание открытых писем, а дневник — в произведение известного литературного жанра. Подобный внутренний самоконтроль хорошо известен в литературе и психологии.

Американский физик С. Гаудсмит в статье, посвященной важному этапу становления квантовой механики, призывал историков науки с осторожностью относиться к письмам ученых, как источникам, по которым можно воссоздать сложные пути, ведущие к открытию (Гаудсмит С.—Успехи физических наук, 1967, т. 93, с. 151).

Скептическим оценкам писем, как свидетельств личности, эпохи, истории, можно противопоставить длинный ряд противоположных суждений. Темпераментно писал об этом (в «Былом и думах») А. И. Герцен: «Письма больше, чем воспоминания; на них запеклась кровь событий — это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». В том же ключе высказался и сдержанный, рассудочный П. А. Вяземский, писавший: «По мне в предметах чтения нет ничего более знаменательного, более умирительного — чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше. Самые полные, самые искренние записки не имеют в себе того выражения истинной жизни,

каким дышат и трепещут письма, написанные беглою, часто торопливою и рассеяною... рукой... Как семейный и домашний быт древнего мира, внезапно остывший в лаве, отыскивается целиком под развалинами Помпей, так и здесь жизнь нетронутая и нетленная, так сказать, еще теплится на остывших чернилах» (Цит. по кн.: Иоффе — Эренфест. Научная переписка. Л.: Наука, 1973, с. 3).

Если обратиться к примерам бережного отношения к архивам и в частности, к их эпистолярной составляющей, то тут нужно в первую очередь, назвать Пушкина. Обилие сохранившихся им черновых вариантов писем, рассказы о целом сундуке с его бумагами и письмами, к которому он часто обращался, все это говорит само за себя.

Переписка ученых — неоценимый материал для историков науки, для раскрытия духовного мира ученых, их творческой биографии, истории открытий и изобретений, поисков, ошибок и т. д. Какую большую человеческую и научную ценность представляет, например, недавно опубликованная переписка Н. И. Вавилова. (Научное наследство, т. V. М.: Наука, 1980). Поэтому переписку крупных ученых, их дневники, рукописи, конечно, необходимо собирать, хранить и тщательно изучать. Но безусловно это не означает что любое слово, мысль, оценки, мнения, выраженные в них, могут приниматься за истину и даже за глубокое убеждение, высказавшего их. В разные периоды жизни, под влиянием различных факторов, иногда сугубо личных преходящих обстоятельств, ученые высказывали разные мнения и оценки. Это нельзя не учитывать. Выхватывание одного какого-нибудь места или суждения без сопоставления его с историческим контекстом, со всем, что писал ученый, приводит к грубым искажениям взглядов авторов и истории. Как любой исторический документ, письма, дневники требуют критического отношения, сопоставления с уже известными фактами, учета времени, обстоятельств, эволюции взглядов авторов документов и т. д., т. е. научного анализа.

Среди многочисленных материалов, хранящихся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР и представляющих неоценимый источник для биографий деятелей науки, личный архив академика Алексея Николаевича Крылова (1863—1945), выдающегося советского математика, механика, признанного основателя оте-